

У власти иногда горький привкус

1, 13

—Я не помню, честно говоря. Но это было не часто и не потому, что я не умею извиняться. Понимаете, я в состоянии достаточно трезво оценить, что сделано правильно, что неправильно. Приведу пример: ругают «Антей» — мол, поставили небоскрёб посреди города. Я много раз говорил: проект «Антей» будет развиваться, это будет не один небоскрёб, а комплекс. Построены пока самый низкий блок — «Высоцкий», а среднего блока нет. Вот этот перепад высот сегодня и создал впечатление незавершенности. Когда будет построен следующий блок — «Радиссон», это впечатление исчезнет, будет комплекс. Я об этом говорил не раз, но критикам хоть кол на голове теши. Мне что, извиниться? А за что? Такие объекты не строятся за ночь. Время рассудит и всё расставит на свои места.

Или, скажем, помните, какой был ажиотаж, когда я улицы Вайнера переселил лотошников? Как меня только ни называли! И что Чернецкий рашащает для себя площадь, там будут его люди, в общем бандит и разбойник — этот Чернецкий. Ну и что: разве плохой получилась наша первая пешеходная улочка?!

—А точечная застройка?

—Это на 80 процентов вымысел журналистов. За то время, что я проработал на посту главы города, за 20 лет мы построили почти 12 миллионов квадратных метров. Естественно, особенно на первых этапах, когда строительный бизнес был очень слаб, денег не было вообще, ни о каком комплексном развитии территории нельзя было вести разговор. Можно было сказать: будут деньги, ребята, будете осваивать новые территории. К чему бы это привело? Те остатки строительного комплекса, которые были, развалились бы полностью и никогда не поднялись бы на ноги. Но можно было сказать по-другому: да, ребята, мы понимаем, что сегодня строить и осваивать большие территории вам сложно. Поэтому давайте используем те площадки, которые по генеральному плану были предназначены для застройки, но в силу каких-то причин не застроились. Спасая строительный комплекс, обеспечивая его работой, мы начали выделять эти площадки. Но не вводя дом в площадку, этот дом — «сидел» изначально, иногда еще в планах детальной планировки 80-х годов. Люди, которые привыкли к тому, что у них есть просторный, с пущем двор, воспринимают это как точечную застройку. В этом смысле присутствует некий эгоизм: я вот здесь поселился — и всё, а то, что другому надо поселиться, во внимание не принимаем. Поэтому мизерный совершенно процент занимает уплотнительная застройка. А вот если я начну перечислять жилые массивы, которые были построены за это время, у вас места не хватит на газетной полосе.

—А всё же?

—Адмиралский, Малахит, Акварин, Тихвин, Юг Центра, Центральный микрорайон, ВПЗ Правобережный, Ташицев, Ултус Левобережный, Северный Химмаш, Университетский район, Академический... Это я навскидку называю. Не говорю уж про то, что вся Ботаника была построена. Когда появилась возможность что-то выделять, на тот же самый Юг Центра, который сегодня застраивается, в условиях полнейшего дефицита, без какой-либо помощи город потратил 400 миллионов рублей, чтобы расчистить руины частного сектора. Семь или восемь лет, если не десять, мы эти руины расчищали, люди переехали из хибар в благоустроенное жилье...

Есть примеры точечной застройки, но я вам скажу: по сравнению с общими объемами строительства — это мизер. И вся эта точечная застройка в массе своей была продиктована необходимостью сохранения строительного комплекса. Сегодня никакой точечной застройки не существует. Ни один дом не получится «привязать» без экспертизы, без учета всех нормативов размещения жилых помещений.

Аркадий Чернецкий вывел Екатеринбург в число лидеров среди российских городов, а Александр Мишарин продвигает город на международный уровень

Долгий путь к мегаполису

—За время вашего руководства городом он, действительно, стал новым, современным, он заявляется на Экспо-2020. Этот факт вас согревает? И каковы, на ваш взгляд, шансы Екатеринбурга стать местом проведения всемирной выставки?

—Это греет, скажу вам совершенно однозначно. Я прекрасно помню, каким город был 20 лет назад. Те, кто помоложе, наверное, не очень себе это представляют, потому что уже живут в современном городе. Они контрастов этих не ощущают в полной мере. То, что город попал в список претендентов на право проведения выставки Экспо-2020, — уже большой успех. По крайней мере, это уже оценка города на российский пространстве. Мы можем спорить, дотигиваем или нет до основных мировых городов, но то, что мы сегодня занимаем однозначно лидирующие позиции в масштабах России, это бесспорно. Не случайно такая оценка дана нашему родному городу руководителями государства. А то, что мы дойдем до уровня лучших мировых городов, я в этом не сомневаюсь. Есть серьезные предпосылки, ведь ничто не появляется из ничего. Самая надежная гарантия получения результата — это планомерная работа в заданном направлении.

И, кстати, как ни парадоксально, если говорить о смене власти, то применительно к Екатеринбургу, за эти 20 лет, несомненно, фактором оказался фактором положительным. По крайней мере, я так считаю. Может, кто-то со мной поспорит, но мне кажется, что эти 20 лет работы — последовательной, постепенной, шаг за шагом, с обозначенными ориентирами, отвлекаясь на привходящие факторы и возвращаясь на основную тропу — оказались полезными Екатеринбургу.

И специфические наши отношения с Росселем тоже сыграли положительную роль. Была некая конкуренция. Я не знаю больше таких мест в стране, где такая конкуренция сыграла положительную роль. Обычно муниципальную власть быстро «укатывают». Здесь муниципальная власть оказалась самостоятельной для того, чтобы реализовать самостоятельные проекты. В этом смысле наша конкуренция в публичной плоскости — я сделал то-то, а я сделал то-то — привела к тому, что в общем доме оказался избыток.

—Вам не кажется, что мы всё равно остаемся провинцией при той системе распре-

деления бюджетного пирога, которая существует?

—Всё меняется, и достаточно кардинально. И система распределения бюджета рано или поздно изменится. Появятся новые приоритеты, не должно такое государство, как Россия со 150 миллионами населения, работать на два города и три проекта — Олимпиаду в Сочи, саммит АТЭС и Универсиаду в Казани. Это ненормальная ситуация. В любом случае должны появиться новые точки роста, в первую очередь — за счёт привлечения сторонних инвестиций. Но и создание точек роста за счёт бюджетных средств будет расти. Мы в черед этих новых точек стоим номером один.

—А какие у нас предпосылки? Да, мы претенденты номер один, но это может произойти через десять, двадцать или пятьдесят лет...

—Я думаю, что должно произойти в первую очередь изменение политики, исходящей от руководителей государства. Выступая в ходе предвыборной кампании президента, я не случайно акцентировал внимание на эти моменты. Не вдаваясь в полемику с оппозицией, анализировал то, что говорил Путин, и в общем многое из того, что он говорил, я считаю правильными. Если это будет реализовано, это будет подтверждением того, что руководитель государства понимает проблемы, которые были, и видит пути их решения, в том числе и за счёт инициативы развития других территорий, помимо столичных. По крайней мере, такое ответственное публичное заявление со стороны руководителя государства ко многим людям объясняет. Его заявление, я уверен, будет находиться в фокусе внимания общества в течение всего срока его руководства.

—Пока обратный процесс идет. Наблюдается явно выраженная централизация...

—Ну, эта централизация прошла до последних политических событий, она идет достаточно давно. Это опять же к вопросу о том, насколько местные власти понимают свою ответственность перед населением. Я могу сказать откровенно: одной из главных причин совершенно оголтелой кампании, которая вокруг меня в свое время разворачивалась, было то, что я не давал разворачивать коммунальный комплекс города. А после того, как в стране разделили нефть, газ, металлы, энергетику, коммунальный комплекс крупных городов представляется ценной «добычей». И желающих пожить нашими муниципальными тепловыми сетями, водоканалом, транспортными предприятиями было выше крыши.

О памятниках, театрах и мечтах...

—Сейчас снова обострилась тема сохранности памятников. Понятно, связано это с реконструкцией Пассажа. Проблема, на ваш взгляд, в чём: власти не обсудили вопрос с обществом или есть какая-то другая причина?

—А как еще надо обсуждать с обществом сугубо технический вопрос? Три года разговоры шли, кто только ни писал на эту тему. Прошли публичные слушания, открытое заседание Общественной палаты города. Надо было на заборах объявлять написанное?..

Еще во времена, когда я был мэром, обозначил инвестора несколько позиций, от которых город не отступит. Первая: полное согласование всех вопросов, связанных с наличием памятника или элементов исторических инстанций. И вторая моя позиция: я категорически запретил заезжать на территорию сквера.

—Получается, ажиотаж вокруг ничего произошло?

—Ажиотаж произошёл из-за того, как я считаю, что это было сделано неправильно: снос начался в праздники и ночью. Хотя логика Заводовского с Погребинским мне понятна. Но это послужило провоцирующим фактором, когда у части людей, которые настроены критически вообще ко всему (им, может, этот Пассаж «по барабану»), появился повод пошуметь. А то, что старый Пассаж не представляет из себя серьёзной ценности, я думаю, понимает абсолютное большинство горожан. Но, естественно, элементы памятника должны были быть сохранены.

Возмущаются: почему там снова строится торговый центр? Да потому, что это главная торговая зона города. По этому принципу устроено абсолютное большинство городов мира.

—Вы за возвращение главным улицам Екатеринбурга их исторических названий или против?

—Сложно ответить однозначно. Когда я пришёл к руководству городом, этот вопрос стоял очень остро. Он способен был на тот момент возбудить общество до кровопролития, учитывая поляризованное к нему отношение. Мы тогда выбрали следующую тактику: убрали с улиц города имена откровенных уголовников, вроде участников расстрельных команд, террористов. Оставили те фигуры, которые являются историческими личностями — Ленин, Свердлов, прочих революционеров. Как бы мы к ним ни относились, они личности исторические. Считаю, что постепенно часть улиц должна поменять свои названия. Не вижу, например, особого смысла в существовании названий — Карла Либкнехта, Розы Люксембург, Сакко и Ванцетти. Это не наши, не российские фигуры, это конъюнктура того времени была.

Хотя произвести переименование сегодня довольно проблематично. Причём дело не только в затратах бюджета. Возникает проблема с изменениями в документах конкретных людей, перерегистрация в паспортах. Много таких нюансов, поэтому не хотелось бы из этого устраивать некую кампанию, а действовать поэтапно.

—Есть такое понятие, как авторская экскурсия. Если бы вам предложили провести такую экскурсию по Екатеринбургу, по каким местам вы поведи бы гостей?

—Вдоль реки пошёл бы, хотя там уже современная застройка. У меня были интересные места, когда я по стройкам ползал в тех районах. Там ещё не была сделана набережная по левому берегу и заросли были совершенно дикими. Находясь в центре города и сделав несколько десятков шагов, можно было оказаться в неких друнглях, такой был контраст.

Но сейчас джунглей нет, зато есть набережная. Но я бы не стал уводить туристов и от современного города. И, кстати сказать, довольно много провозжу таких экскурсий, когда приезжают мои коллеги, друзья, а с ними с удовольствием хожу. Иногда вечером сам сажусь за руль, везу показать город, показываю современный Екатеринбург. Нас критикуют за стильное смешение, а мне нравится, что у нас присутствуют новые, нестандартные формы. Кому-то мог показаться диким шар на здании магазина «Гринго» у Архитектурной академии. Его, правда, уже перделали. А разрешение давал я. Пришли авторы, говорят: «Вы, наверное, это не разрешите». Я: «Почему? Это интересно». Точно так же появились другие артефакты, кем-то они понимаются, кем-то нет,

но это интересно. С тем же памятником клавиатуре или памятником «Битлз» тоже говорили: мол, вы не разрешите.

—Какую песню о Екатеринбурге вы считаете более соответствующей его характеру?

—Много песен можно назвать, но «Свердловский вальс» очень приятная для меня песня. Есть и новые песни, которые мне нравятся. Мы накануне каждого «круглого» или «полукруглого» юбилея Екатеринбурга проводили конкурс песен и выпускали новый диск. Они есть у меня дома, и я время от времени слушаю...

—В каких театрах, музеях бывали в последнее время, не по обязанности, а по желанию?

—В Москве я почти каждую неделю хожу в театр. На прошлой неделе был в «Ленком», «Женитьбу» смотрел.

—А здесь есть любимый театр?

—Есть театры, за которые я непосредственно отвечаю — ТЮЗ, кукольный театр. Не за репертуар, естественно, а за состояние. И ТЮЗ, и кукольный всегда и кадры имели, и зарплату. Так скажем, не бедствовали. Создали уникальный театр «Щелкунчик». Здания мы им реконструировали.

Конечно, с точки зрения творческой состоятельности хороши и музыкальные, и драмтеатр. Кстати, я считаю, недооценённая наша драма. Там хороший исполнительский костяк, правда — чехарда с режиссёрами на пользу не идёт. Считаю, давно пора вмешаться и министру культуры, и правительству. Театр имеет такое значение, такую труппу... По хорошему если, то надо делать добрый репертуар и ездить с гастролями по стране.

—Культурная политика в Екатеринбурге нацелена на сохранение достигнутого, на поддержание «уровня» или на развитие?

—На развитие. Всегда так было. На меня обижались отчасти некоторые творческие союзы, потому что изначально было понятно, что в новых экономических условиях часть культурных направлений в состоянии самостоятельно выживать, а часть нет. Так вот наша задача была в 90-х годах оказать содействие тем, кто не в состоянии выживать. Сегодня в Екатеринбурге самая лучшая в стране библиотечная сеть. Когда здесь проходил Конгресс библиотек, это было чётко зафиксировано.

Творческие союзы... Что художникам не работать? Организовать выставки, продажи, открыть фирменные магазины. Такого не было в советское время, картины у художников покупали только музеи государственные, частных коллекционеров было мало. Сегодня появилось большое количество богатых людей, которые очень хорошо разбираются в искусстве, понимают, что наличие картины в их коттедже — признак хорошего тона. Это предпосылка для развития коммерческой деятельности художника. Не надо, конечно, уподобляться ремесленникам, надо относиться к каждой работе с полной ответственностью, но сегодня художник может быть уверен, что его работа не окажется на десятилетия где-то в подвалах.

—Аркадий Михайлович, вы ощутили вкус власти, какой он?

—Я повторюсь насчёт чувства удовлетворения. У меня такое чувство есть, несмотря на то, что оно иногда и с горьким привкусом. Но если что-то получается, твои мечты сбываются — это, конечно, самое главное, что в жизни греет.

Не каждый может обыграть его в решениях...

Отношения Аркадия Чернецкого и Эдуарда Росселя всегда были непростоими. Но уважительными

Почётным гражданином Екатеринбурга Аркадий Чернецкий стал в 1999 году

Аркадий Чернецкий — желанный гость на каждом Сабантуте

После интервью с Аркадием Чернецким. Слева направо — главный редактор «ОГ» Дмитрий Полянин, журналисты Наталья Подкорытова и Анатолий Горлов